

ДВА ОБРАЗЦА ИЗУСТАГО СТАРОРУССКАГО ЭПОСА.

I.

Недавно случилось нам встрѣтить въ запискахъ одного знакомаго, врученныхъ намъ въ полное владѣніе, два интересные памятника изустнаго старорусскаго эпоса, съ которыми мы рѣшаемся познакомить читателей, нахождашихъ достойнымъ вниманіемъ просвѣщенныхъ любителей народной поэзіи. Если эти памятники старины не могутъ стать наравнѣ со *Словомъ о полку Игоревѣ*, съ пѣснями о *Голубиной кнѣзѣ* или о *Горь-злостыи*, то все же интересны, каждый въ своемъ родѣ.

Первый изъ нихъ можно внести въ рядъ, такъ называемыхъ *историческихъ пѣсней*, которыми такъ обильны эпохи князя *Владимира-Солтышко* и Царя *Ивана Васильевича Грознаго*; предлагаемая нами пѣсня относится къ послѣдней эпохѣ. Въ предисловіи къ ней авторъ записки говоритъ, что записалъ эту любопытную пѣсню въ Вологдѣ, и слышалъ отъ старожилковъ, что лѣтъ 70 тому назадъ, она пѣлась въ народѣ. Складъ и языкъ пѣсни обнаруживаютъ ея давнее происхожденіе, не смотря на несомнѣнные измѣненія, искаженія и обновленія. Преданіе, рассказанное въ ней, по тщательнымъ нашимъ изслѣдованіямъ, теперь сохраняется только въ старинныхъ рукописяхъ, исчезнувъ изъ памяти народа; следовательно, давность сложенія пѣсни едва ли подвержена сомнѣнію, особенно если принять во вниманіе подробности ея разсказа. Во всякомъ случаѣ трудно предполагать, чтобы она была сложена значительно позже разсказываемой эпохи, потому что народъ рѣдко обращается къ воспоминаніямъ глубокой старины, если она не оставила по себѣ современныхъ памятниковъ; старинная пѣсня можетъ сохраниться очень долго въ памяти народа, но вызывать старину для содержанія новыхъ пѣсней, народъ не любитъ. Съ этимъ согласится каждый, кто сколько нибудь изучалъ старорусскія *историческія пѣсни*.

Подозрѣвать подлогъ, подтѣву въ этомъ случаѣ трудно по крайней мѣрѣ, мы дадимъ эту пѣсню читателямъ. Сравнительно раз-

к III 1308442

считаемую пѣсню съ другими образцами въ этомъ родѣ, содержащимъ которыхъ послужила эпоха Грознаго, собранными Киршию Даниловымъ и Сахаровымъ (какъ-то: про взятіе Казани, про Михаила Романовича, про женитьбу царя и другими), мы находимъ въ нашей пѣснѣ много съ ними общаго, какъ во внутреннемъ духѣ, такъ въ складѣ и языкѣ: та же плавность, иѣкоторая величавость разказа, тотъ же строго эпическій характеръ, даже отбѣнокъ грусти, незамѣтно разлитый въ ней—слишкомъ напоминаютъ въ особенности тѣ пѣсни, гдѣ Грозный является послѣ его крутой перемены, — словомъ, на ней лежитъ яркій отпечатокъ эпохи. Если изыскать ея мѣстами новѣе языка тѣхъ, то это понятно: тѣ давно забытыя народомъ, эта же пѣльса имъ лѣтъ 70 тому назадъ, слѣдовательно естественно, что она болѣе подвергалась искаженіямъ и обновленіямъ, хотя при всемъ томъ привычному уху нельзя не слышать въ ней склада и рѣчи старинной русской пѣсни. Въ историческомъ смыслѣ, разказъ, заключающійся въ ней, не лишень интереса, и мы не лишнимъ считаемъ — всмотрѣться въ него, отбросивъ педантизмъ исторической формальности.

Извѣстно, что Иванъ Васильевичъ любилъ Вологду, три раза посѣщалъ ее (1545, 1566 и 1569 г.) и въ послѣдній разъ жилъ въ ней около трехъ лѣтъ. Думаютъ, будто бы онъ хотѣлъ сдѣлать ее своею столицей; конечно, эта мысль ни чѣмъ не доказана, однако нельзя сказать, чтобы она была неправдоподобна, если вспомнимъ подозрительность Грознаго во вторую половину его царствования. Всюду опасаясь измѣны, подозрѣвая въ злонамѣренности всѣхъ приближенныхъ своихъ, онъ находилъ покой въ мирной Вологдѣ, среди преданныхъ ему ея жителей, далекихъ отъ всякихъ крамоль; здѣсь подозрительность его отдыхала. Покойный духомъ, здѣсь Грозный переставалъ быть грознымъ, являлся милостивымъ, и спокойно занимался укрѣпленіемъ и украшеніемъ города — стѣнами, башнями и храмами, о чемъ сохранились несомнѣнные доказательства въ Вологодскихъ лѣтописяхъ (Слободскаго, Засѣцкаго и др.). Преданіе, высказанное въ пѣснѣ и встрѣчаемое въ письменныхъ памятникахъ прошлаго столѣтія, говоритъ, что обломокъ кирпича, упавшій изъ свода на голову Ивану Васильевичу, когда онъ осматривалъ постройку Вологодскаго Софійскаго Собора, прогнѣвалъ Грознаго, и онъ навсегда покинулъ любимый городъ.

Въ самомъ дѣлѣ, этимъ преданіемъ объясняется то обстоятельство, что Иванъ Васильевичъ вдругъ, забросилъ Вологду,

не кончивши начатія имъ укрѣщенія и другія постройки, такъ занимавшія его; роковой камень могъ пробудить его подозрительность, заснувшую на время, и навсегда поселить въ Царѣ предубѣжденіе къ Вологдѣ. Какъ бы то ни было, но намъ кажется, что предлагаемая пѣснь очень интересна, хотя бы даже содержаніе ея было выдумка, а первообразъ значительно измѣненъ. Обратимъ вниманіе читателя на то страшное вліаніе, которое народъ приписываетъ царскому проклятію: отъ него тряхнулась мать-сыра-земля, городъ покрылся болотами и рѣка стала попокою. Въ заключеніе выписываемъ самую пѣсню:

«Что на славной рѣкѣ Вологдѣ 1),
 «Во Насонѣ было городѣ 2),
 «Гдѣ доселѣ-было Грозный Царь
 «Основать хотѣлъ престольный градъ,
 «Для своѣ ли для Величества
 «И для царскаго могущества;
 «Укрѣшилъ стѣной градъ каменный
 «Со высокими со башнями,
 «Съ неприступными бойницами 3).—
 «Переди онъ града церковь склалъ,
 «Церковь лѣную, соборную,
 «Что во имя Божьей Матери,
 «Ея чистаго Успѣнія;
 «Образецъ онъ взялъ съ Московскаго,
 «Со собору со Успенскаго 3).
 «Стѣны града поднимался —
 «Христіане утѣшался.
 «Ужъ какъ стали послѣ сводъ сводить,
 «Туда Царь самъ не косить ходитъ;
 «Надзиралъ онъ надъ насмичку,
 «Чтобы Божій крѣпче клань храмъ,
 «Не жалѣли бѣ плшны красныя
 «И той извести горючія.

1) Рѣка Вологда здѣсь названа «славной», вѣроятно, для краткаго слова, а впрочемъ, обширнѣе, по тогдашнему, торговля Вологды давала ей на это нѣкоторое право.

2) Вологда имѣла или имѣла еще другое названіе — Насонъ. И теперь отъ старожитовъ вы часто услышите поговорку: — «городъ-Насонъ, рѣка-Вологда». Названіе это произошло отъ того, что крѣпость, основанная Грознымъ, была заложена 25 Апрѣля 1566, въ память св. Насона (въ просторѣчїи Насонъ).

3) Извѣстія о постройкѣ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Вологдѣ крѣпости и собора подтверждаются актами и не поддаются сомнѣнію.

«Когда Царь о томъ кручинился,
 «Въ храмѣ Божіемъ показивагь,
 «Какъ изъ свода туповатова
 «Упадала паница красная
 «Во головушку во буйную,
 «Въ мудру голову во царскую.
 «Какъ даншъ Грозный Царь прогнѣвался,
 «Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
 «Закипѣла молодецка грудь,
 «Ретивѣ сердце изыгралось;
 «Выходилъ изъ храма новаго
 «Онъ садился на добра коня,
 «Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
 «Насонъ-городъ проклинаючи
 «И съ рѣкою славной Вологдой.
 «Отъ того проклятя царскаго
 «Мать сыра земля трехнулась,
 «И въ Насонъ-градъ гористоемъ 4)
 «Стали блага быть топучія,
 «Рѣка быстра, славна Вологда
 «Стали быть рѣкой стоячею,
 «Водой мутною, вонючею,
 «И покрытая все тиною,
 «Скверной зеленью со плесенью 5)

II.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается другое народное произведение, предлагаемое нами, — объ Аникѣ-воинѣ. Оно можетъ быть причислено къ ряду старорусскихъ былинъ, какъ-то: про Горю-злостыю и тому под. и, вѣроятно, представляетъ отрывокъ изъ цѣлой народной эпопеи, подобной Горю-злостыю. Въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что вся поэма не дошла до насъ; но всѣ старательные поиски наши были тщетны. Правда, старожилы рассказывали намъ про нѣкоего Аникую-воина, разбойника, жившаго нѣкогда въ Анкиевомъ лѣсу (въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ города Вологды, по Кирилловской дорогѣ), который теперь представляетъ площадь,

4) Событіемъ, чтобы Насонъ-градъ (т. е. Вологда) когда нибудь былъ гористымъ. — сего, кажется, всегда стоить въ болотѣ.

5) Что въ Вологдѣ была въ старину широкъ, глубокъ и быстрая, — это очень естественно, мало ли какое разстройство.

обросшую мелкими кустарничкомъ; но рассказы были не полны, сухи; самые словоохотливые сказочники здѣсь махали рукою, говорили мало, да и рассказы ихъ никакъ не подходили подъ рядъ съ предлагаемою былинной; характеръ ихъ былъ совершенно иной; преданіе являлось избитымъ рассказомъ о грабежахъ и убійствахъ безъ всякаго поэтическаго оттѣнка, такъ поражающаго читателя въ предлагаемой былинѣ. Это показываетъ древность былинны, что подтверждается также языкомъ, при всестороннемъ искаженіи его первообраза, даже образами, созданными народною фантазією. Чтобы предположить приблизительно время сложенія первообраза былинны, надо разгадать время существованія героя ея — Анки-воинъ. Вотъ единственный путь къ этому: отъ имени разбойника произошло названіе лѣса Анкиева (теперь значащагося только по названію), въ свою очередь передавшаго свое названіе существующей нынѣ въ томъ краю обители — Заанкиевской пустыни. Изъ этихъ данныхъ можно опредѣлить только послѣднее, т. е. время основанія пустыни (монастыря) и по нему добираться до главной задачи, т. е. въ какое время, приблизительно, составлена народная эпоепа, отрывокъ изъ которой лежитъ предъ нами. Заанкиевская обитель, какъ оказалось по нашимъ розысканіямъ, основана въ XVI вѣкѣ преподобнымъ Іосифомъ, мощи котораго покоятся тамъ подъ снудомъ; следовательно, названіе лѣса принадлежитъ раннему времени, а Анки-воинъ, передавшій свое имя лѣсу, по этому жилъ еще ранѣе. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы приходимъ къ заключенію, что время сложенія первообраза былинны относится къ періоду времени между половиною XVI и началомъ XVII вѣка. Въ отрывкѣ изъ эпоепы объ Анки, изъясняющемся у насъ, рассказывается встрѣча героя со смертью и конецъ его грѣшной жизни. Смерть здѣсь является олицетворенною. Нельзя не признать прекраснымъ, въ своемъ родѣ — сближеніе грубой человѣческой силы, такъ склонной и привычной къ разрушенію всего встрѣчающагося на пути, съ мрачнымъ, могучимъ образомъ смерти богатой высшею, роковою, анти-матеріальною силою: безсиліе этой грубой, матеріальной силы (если такъ можно выразиться) здѣсь является во всей наготѣ своей. Олицетвореніе смерти — и, при томъ, смерти, являющейся преступнику, — отличается какъ-то неопредѣленною рельефностію, ужасающею, хотя и безусловною образностію; здѣсь она не подкашиваетъ жизни человѣка, какъ коса стебель цвѣтка, не усыпляетъ его, какъ прелесть опіума, а шлеть невидимыми глазами; здѣсь смерть неизбежна.

ная, неумолимая, уже есть и казнь, кара преступной жизни, начало страшных, заслуженных мучений. Образ смерти здѣсь сильно напоминаетъ образъ Горя-злочастья, преслѣдующій преступнаго сына; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ въ основаніи лежитъ — мораль; въ обоихъ то же неопредѣленно-рельефное очертаніе, та же нравственная могучесть, та же непреклонность и роковое значеніе. Съ другой стороны мастерски выражены чувства, потрясающія загрубѣлую, преступную душу при встрѣчѣ со смертью, мысль о которой еще не постигала ея. Аника начинаетъ ѣстить грозному образу, надѣется подкупить его, еще не угадывая въ немъ, по своей самонадѣянности, непобѣдимаго врага, неумолимаго судью; потомъ, когда это становится уже ясно, когда смерть глянула ему въ глаза — болѣзненно дрогнула преступная душа: въ ней явилось мучительное желаніе еще пожить на землѣ — для чего, съ какой цѣлю? Этому, вѣроятно, не рѣшился бы и самъ преступникъ, — просто для того, что умереть страшно.....

Но напрасно обѣщаетъ онъ раздать нищимъ награбленное золото, напрасно прибѣгаетъ къ послѣдному убѣжденію, чтобы пожить еще хоть полгода, просится проститься съ отцомъ и матерью, — смерть, нагрянувшая такъ неожиданно, не знаетъ ни жалости, ни состраданія; не даетъ сроку ни двухъ лѣтъ, ни года, ни полгода, ни минуты; какъ самый строгій, могучій и справедливый судья.

Замѣчательно, что Аника изображается въ бытнѣ съ отѣнкомъ какого-то благородства, хотя благородства преступнаго, если такъ можно выразиться; онъ даже не называется разбойникомъ, — ему одному, какъ исключенію между всѣми извѣстными разбойниками, приписываются названія «храбраго» челоуѣка» и «воина».

Наконецъ, приводимъ эту интересную бытнну въ томъ видѣ, какъ она имѣется у насъ:

- «Вдетъ Аника черезъ поле 1),
- «Навстрѣчу Аникѣ ѣдетъ чудо:
- «Голова у чуда нечеловѣческа,
- «Волосы у чуда до пояса,
- «Туловию у чуда звѣрпное,
- «А ноги у чуда лошадинныя.

1) Уже во началу бытны можно судить, что она представляетъ отрывокъ; желательно бы встрѣтить вкратчѣ вродную поэму объ Аникѣ-воинѣ.

«Анпка на конѣ остановился
 «И этому чуду дивился.
 «— Скажи ты мнѣ, чудо, повѣдай,
 «Царь ли ты, ли царевичъ,
 «Король ли ты, королевичъ,
 «Или ты сильный, могучій богатырь? —
 «Чудо ему отвѣчаетъ:
 «— Я не царь, не царевичъ,
 «Не король, не королевичъ,
 «И не сильный, могучій богатырь,
 «А я смерть страшна и грозна,
 «Вельми испомѣрна,
 «Сердцемъ своимъ непосушна:
 «Кто сотворилъ небо и землю,
 «Кто сотворилъ облака и звѣзды,
 «Тотъ меня сотворилъ,
 «По всей землѣ попустилъ.
 «Гдѣ кого застану — искошаю 2):
 «Въ пути, въ дорогѣ застану, — искошаю;
 «Въ избѣ, на подворьѣ застану — искошаю.
 «Хочу и тебя, Анпка, искошати!
 «Возговорить храбрый человекъ Анпка:
 «— Я палицу подыму, палицей пришибу;
 «Либо коня поущу, конемъ потопчу,
 «По главѣ по твоей.
 «Она ему отвѣчаетъ:
 «— Былъ на землѣ Самсонъ богатырь, —
 «Былъ на землѣ Свѣтогоръ богатырь,
 «Я и ихъ искошла. —
 «Хочу и тебя, Анпка, искошати.
 «Возговорить храбрый человекъ Анпка:
 «— О смерть страшна и грозна!
 «Дай ты мнѣ сроку на два года:
 «Сострою я тебѣ церковь,
 «Спишу твой ликъ на иконѣ,
 «Поставлю твой ликъ на престолѣ;
 «И станутъ къ намъ събѣжаться
 «Князья и бояре и сильные, могучіе богатыри.
 «И станутъ намъ свозить камену золотую.

2) Старинная форма отъ глагола *кошати*, съ прибавкою предлога «Теперь эта форма кажется, не существующей».

«Она ему отвѣчаетъ:

«— Кабы де брать мнѣ казну золотую,

«Были бы у меня горы золотыя,

«Отъ восхода до заката.

«Вынимасть пилю невидимыя,

«Потираеть ея по рукамъ, по ребрамъ.

«Возговоритъ храбрый человекъ Аника:

«— О, смерть страшна и грозна,

«Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ;

«Есть у меня казна золотая, —

«Раздамъ я се во тюрмамъ, по бogaдѣльнямъ.

«Она ему отвѣчаетъ:

«— Казна твоя кровавая,

«Душѣ твоей не помогла.

«Вынимасть пилю невидимыя,

«Потираеть ея по костямъ и по жиламъ.

«Возговоритъ храбрый человекъ Аника:

«— О, смерть страшна и грозна!

«Дай ты мнѣ сроку на полгода;

«Есть у меня отецъ и мать,

«Дай ты мнѣ съ отцомъ, съ матерью проститься.

«Она ему отвѣчаетъ:

«— Какъ же ты ѣхалъ на ратное дѣло 3)?

«Зачѣмъ съ отцомъ, съ матерью не простился?

«Вынимасть пилю невидимыя,

«Потираеть ея по костямъ и по жиламъ.

«Аника на конѣ шатается,

«И смертныя уста запекаются;

«Аника съ коня повалился.

«Туть по Аникѣ и слава.

Николай Бунаковъ.

3) Въ эту пору есть что-то величественно-страшное и вѣсть саркастическое.
Грабежи и разбои здѣсь не безъ цѣльмъ — риппичъ дилломъ.